

ТАМ, ВОЮШАХ

Виктор АСТАФЬЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ СОЛДАТА

О войне? А что о ней я знаю? Все и ничего. Был рядовой бойцом на войне, и наша солдатская правда была названа одним общим бойким писателем — «окопной», выказывая нашу — «окопкой зрению». Теперь слова «окопная правда» воспринимаются только в единственном, высоком их смысле...

«Всю правду знает только народ», — сказал друг мой военный журналист, честно вы-

полнявший свой долг на фронте и в литературе. — Константин Симонов.

Итак, всю правду знает только народ! Как малая часть этого многоотеческого, многострадального и героического народа стану и я вспоминать «правду» — свою единственную, жной испытанную, жне запечатленную, «окопную», потому что другой-то я и не знаю.

ВОВЕЛ я в 17-й артиллерийской орденевои Ленинна, Суворова, Красного Знамени дивизии прорыва, входившей в состав 7-го артиллерийского корпуса — основной ударной силы 1-го Украинского фронта. Корпус был резервом Главного командования. Начал он создаваться вместе с другими артиллерийскими соединениями подобного характера по инициативе крупных специалистов артиллерии, каковым был в командир нашей дивизии Сергей Сергеевич Волкенштейн, потомственный артиллерист, человек, крупный не только телом и фигурой, но и натурой, человек с совершенной удивительной биографией, вполне пригодной для захватывающего дух детективного романа. Жаль, что я не умею писать детективы... Так вот, дивизия прорыва, к удивлению, не только моему, начали создаваться еще в 1941 году, когда враг был у стен Москвы.

Первый прорыв наш корпус делал на Брянском фронте, во фланг Курско-Ветеродской дуги. И когда «началось», когда закачалась земля под ногами, не стало видно неба и заволочило противоположный берег Оки дымом, я, совершено потеряв «рассуждения», подумал: «Вот бы мою бабушку сюда!..» Зачем бабушку? К чему ее сюда? — этого я и по сию пору объяснить не сумею. Очень уж бабушка моя любила меня вышутить, поупу-гать, разгнать, так вот и мне, видать, тоже «поупутать» ее захотелось...

Случалось, и не раз: зайдем огневые позиции, выкинем провода в средства наблюдения на наблюдательный пункт, окопаемся, изготовимся отдохнуть, чтоб завтра вступить в бой, как вдруг команда: «Сниматься!» — топать, тащить на себе орудия и машины.

Один раз тащили-тащили полдюжину взвода управления со связью, со стереотрубой, буссолью, планшетами и прочим имуществом, и стала машина, не идет: это мы за ночь, то запыливая в кузов, то обратившись на наблюдательный пункт, окопаемся, изготовимся отдохнуть, чтоб завтра вступить в бой, как вдруг команда: «Сниматься!» — топать, тащить на себе орудия и машины.

Один раз тащили-тащили полдюжину взвода управления со связью, со стереотрубой, буссолью, планшетами и прочим имуществом, и стала машина, не идет: это мы за ночь, то запыливая в кузов, то обратившись на наблюдательный пункт, окопаемся, изготовимся отдохнуть, чтоб завтра вступить в бой, как вдруг команда: «Сниматься!» — топать, тащить на себе орудия и машины.

ВЫВАЛИ и исключения в обращении с нами, с «резервом Главного командования». 27-я армия брала город Ахтырку и, углубляясь, начала расширять прорыв. Враг решил отвести армию, окружив и атакуя встречный танковый удар со стороны Краснокутска и Богодухова (нишу по памяти и прошу прощения, если она сохранила не все точности, тем более «стратегические», — ведь я был всего лишь бойцом и с моей «окопкой зрению» в самом деле не так уж много было видно). Наша 92-я гаубичная бригада, находясь на марше, оказалась как раз в том месте, где осуществлялся танковый прорыв. Поступил приказ: занять оборону и задержать танки до подхода других полков и бригад дивизии; по фронтовой терминологии это значит: мы попали «на наковальню». А гаубицы в 92-й бригаде — гаубицы в 1908 году! Сохранились они орудия в каком-то боком забытом углу, на Дальнем Востоке. Форсуны пушкарки, воюющие у скорострельных локвых орудий, насмехались над нами, провидя обидные особенности у 92-й бригады: в ней со столкновений и дальневосточных конфликтов задержались и сохранились расчеты, еще те, кадровые — они за две-три минуты приводили «гаубицы», как именовались наши гаубицы на солдатском жаргоне, в боевое положение, и со второго или третьего выстрела от фашистских танков летели «лапты» вверх, от пехоты — лохмотья, от блиндажей и дзотов — ошпеты.

92-я бригада с честью выстояла свой долг и задержала танки противника под Ахтырку, выдержав пять часов немалым числом танков. Из 48 орудий осталось полтора (одно без колес). Противник потерял более восьмидесяти танков, тучу пехоты, сопроваждавших танки; небо было в черном дыму от горящих машин, хлеба; подсолнухи, просяные и кукурузные поля, зрело желтевшие до боя (был август), сделались испепелен-

ными, вокруг лежала дымящаяся земля.

Вечером на каком-то полустанке из нашего третьего дивизиона собралось около сотни человек, полуочкопных, изорванных, обожженных. Мы обнимались, как братья, побывавшие не в небесах, а в настоящем земном аду, и плакали. Потом попадали где и спали так, что нас не могли будить, чтобы покорить.

За этот бой все оставшиеся в живых бойцы и офицеры 92-й арбригады были награждены медалями и орденами, а командир батареи Барданов (живет в Минске), командир орудия Гайдам (по слухам, живет в Москве) были по представлению генерала Трофименко и командования 7-го арктрпуса удостоены звания Героя Советского Союза.

С тех пор командующий 27-й армией генерал Трофименко возлюбил нашу арбригаду: кормил и награждал нас в 27-й вместе со «своими», а иногда, быть может, и поперед их, и командующий всегда просил девятую вторую с ее «лайбами» — в придачу и на поддержку в ответственных, тяжелых боях, и наша орденосная бригада — по званию Проскуровская — ни разу, вроде бы, не подвела тех, кого поддерживала отнюдь во время наступления и заслояла лезением и нетолстым железным штом в критические моменты. Помянут нашу дивизию и бригаду и в 38-й армии, и в 3-й и в 4-й танковых армиях, и во многих других; иначе не приглашала бы на встречи ветеранов, как «своих». В прошлом году во Львове встречались ветераны 38-й армии, и местным бывшим артиллеристам нашей бригады были посланы торжественные знаки и приглашения. Получил такие и я, очень благодарен за них ветеранам 38-й армии, и только нездоровье помешало мне встретиться с ними во Львове и обнять их.

В 1944 году наши боевые орудия, славные «старушки «лайбы», были заменены стомагнетронными пушками новейшего образца. Я их уже не видел, в это время лежал в госпитале, после которого попал в вестрбовую часть и демобилизовался в конце 1945 года.

Командир дивизиона рассказывал, что когда «лайбы», чьиеные-перечислены, со сторушей на их краской, заплатками из шпата, пробитых пулями и прогнутых осколками, славали в «гиль», на перешлаку, командиры батарей и орудий попадали на них груду и, обняв их, безудельно плакали. Также вот «штрипчик» войны, который не придумать и писателю, даже с самым богатым воображением.

ДАВНО уже я работаю над романом про войну и, естественно, вплотную занимаюсь этой темой, стараюсь читать больше о войне и «военное», встречаюсь с ветеранами, являющимися войной, и не только нашим, но и немцам. Война-то все-таки шла с двух сторон, но изображается пока в основном односторонне.

Трагедия немецкого народа, ввергнутого в военную авантюру оголтелым фюрером, — очень страшная трагедия, нами еще не до конца осмысленная.

Мне хотелось бы в романе более и ближе всего коснуться окопного быта, очень мало и пока приблизительно у нас изображаемого. Есть выразительные сцены боев солдатского быта в книгах Юрия Бондарева, Василия Бывкова, Григория Бакланова, Вячеслава Кондратьева, Виктора Курочкина, Константина Воробьева, появлялся вот повесть Константина Колесова «Самоходка номер 120», книга Светланы Алексеевич «У войны» — не женское лицо, книга Владимира Карпова «Полководец». Есть потрясающие по обаятельности и драматизму главы в книге барнаульского писателя Георгия Егорова с бесхитрым названием «Книга о разведчиках», герой которой Иван Исачев, кстаи, наш земляк — красноареец, живет ныне неподалеку от райцентра Идринское, в родном селе. Но и я, и в них, в этих правдивых книгах, «житуха» — иначе назвать существование в окопах ружка не поддается — изображена все же мимолетно, фрагментарно, как что-то второстепенное.

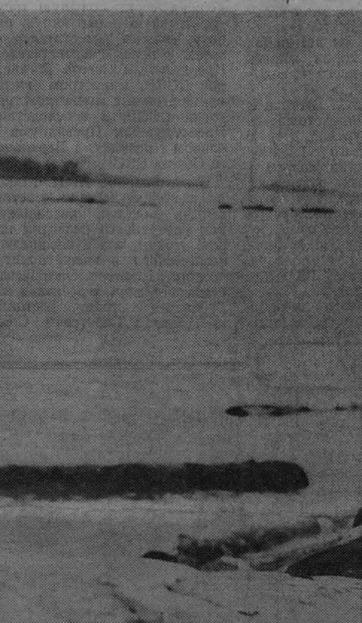
Но, пока человек жив, стало быть, главное для него все же — жизнь его. Или я отстал? Мысль не так? Перекоп существует в моем мироощущении, в том числе и войны?

Да и как ему не быть, «пекорусу»? В 1944 году я пропустил, забыв свой день рождения. Эка девицкая, скажете вы. Маршалы, генералы забывали, а тут какой-то солдат в обмютах! Но учтите: день рождения у меня 1 мая! И исполнилось мне в солонку четвертом двадцать лет! И знаете, отчего я забыл-то? Это этому предшествовало? Весеннее наступление. Таже-

вой, потренированной в боях, у нас же в каждой машине по двадцать-тридцать человек, и все вооружены, все выстроены — фашисты нам кашу или «кшту малу» устроят, но ведь и мы их перебьем! Нам выход один — прорываться.

Опытный, видать у врагов командир роты был, умел считать и сдерживать себя — колонна прорыва по мосту без единого выстрела. Предполагали, что хвост колонны уже непременно «отрубят», но и тут у них хватило ума «не гнаться за дешевой войной», — ведь мы за рекой развернем орудия да как влугим по ним прямой наводкой!

Почти стемнело, когда мы остановились на горе, за рекой, плотной, монолитной колонной. К утру началось страшная метель, и вместе со многими получастиями, штабами, госпиталями прихватили и остановили в местечке Ориин, неподалеку от Камеен-Подольского. Начало апрель-

Виктор Петрович Астафьев. В родных сибирских местах.

Фото А. Белоногова.

ющих мер по усилению войск на направлениях готовившихся врагом ударов...»

Рассекать окруженную крупную группировку противника была направлена половина и нашей бригады. Вторая половина шла горюет, отдала снаряды, патроны и оружие отравленным в наступление батареям. Началась все шло ладно. В солнечный весенний день двигались мы вперед, раз за два постреляли куда-то и на другой день достигли деревень Белая и Черная, не зная врагом, веселых, прилетелих. «Закавалерия» артиллеристы-молодцы, двинувшись в роскошных захватках зацепи, заплясали, прыгали в танцах вместе с нашими войками. Слышим-послышим: фашисты Черную заняли и просачиваются в Белую! Это наши войка назвали извне на окруженную группировку противника, она, сокращая зону окружения, отсекла и заключила в кольцо войска, затесавшиеся рассекать ее, в том числе и половину нашей бригады.

Шум, суета. «Всем по коныям!» — по машинам звенит. Суеулился в одну сторону — противник, суеулился в другую — тоже, попробовали прорваться обратно через деревню Черную — оттуда нас встретили крупнокалиберными пулеметами, зажали несколько машин и тяжело ранили командира нашего дивизиона Митрофанова Иванова Воробьева.

Колонна из ста примерно машин смещалась, вела пятьдесят в деревню Белую и здесь разворачивалась для броска через реку. Тем временем в деревню действительно просочились вражеские автотоматки и взяли в оборот затесавшихся артиллеристов. Грозилась стрельба, ахнули гранаты, орудия и машины, упячившиеся в проулы и огороды для того, чтоб развернуться, тут же были подбиты и подожжены, деревня Белая горела уже из края в край. И вот плотно сомкнувшаяся колонна двигалась в сторону, а он уже занят фашистами, и мы уже отрезаны и с этой стороны. Но колонна медленно и упорно идет к мосту. «Орудие к бою!» — пролетела команда с машины на машину, и мы легли за борта машин с винтовками, карабинами, автоматами, в кузовах открыты ящики с гранатами; на кабинах машин выставлены пулеметы, откуда-то даже два стачковх взылось.

Приближаемся к мосту, по ту и по другую сторону которого — рукой достать! — лежат гитлеровцы с пулеметами. Ждут. Каким блещет в сумерках, орудие бегает. И — тишина. На одного выстрел! Все замерло. Только машины сдержанно работают и идут, идут к мосту. Вот первая уже на мосту. Ну, думаю, сейчас начнется! Выступят фашисты колонна на мост, заступят первые и последние машины, и следом за ними, в том числе и я, было не более роты, непол-

ной, потренированной в боях, у нас же в каждой машине по двадцать-тридцать человек, и все вооружены, все выстроены — фашисты нам кашу или «кшту малу» устроят, но ведь и мы их перебьем! Нам выход один — прорываться.

Опытный, видать у врагов командир роты был, умел считать и сдерживать себя — колонна прорыва по мосту без единого выстрела. Предполагали, что хвост колонны уже непременно «отрубят», но и тут у них хватило ума «не гнаться за дешевой войной», — ведь мы за рекой развернем орудия да как влугим по ним прямой наводкой!

Почти стемнело, когда мы остановились на горе, за рекой, плотной, монолитной колонной. К утру началось страшная метель, и вместе со многими получастиями, штабами, госпиталями прихватили и остановили в местечке Ориин, неподалеку от Камеен-Подольского. Начало апрель-

но устранившего взгляда радистки-разведчицы.

ЧУ ВОВ, заговорил я и о сегоднешних противоречиях в жизни искусства, а память отрунула меня снова к войне. Были противоречия и на фронте. Да еще какие! Очень даже разнообразные и всегда кровавые.

Расскажу об одном из них. Весной 1945 года 17-я Киевско-Житомирская дивизия вместе с другими соединениями блокировала Берлин с западной стороны, и когда город капитулировал, на запад хлынула фашистские войска. Несколько суток шла невиданная и неслыханная по крови и жертвам бойня. Дело дошло до того, рассказывал мне командир дивизии, что на огневых позициях артиллеристы рубили топорами и лопатами озверевых и обезумевших фашистов. В тех, последних на территории Германии боях дивизия потеряла две с поло-

виной тысячи человек, испытанных боевых, славных артиллеристов, почти доживших до желанного дня Победы. Противник понес потери десятикратно больше.

За бои под Берлином Сергей Сергеевич Волкенштейн был удостоен звания Героя Советского Союза, не он, конечно, один, но речь пойдет пока лишь о нем. Звезду Героя ему вручил командующий 1-м Украинским фронтом Иван Степанович Конев, в обход руководства артиллерии фронта.

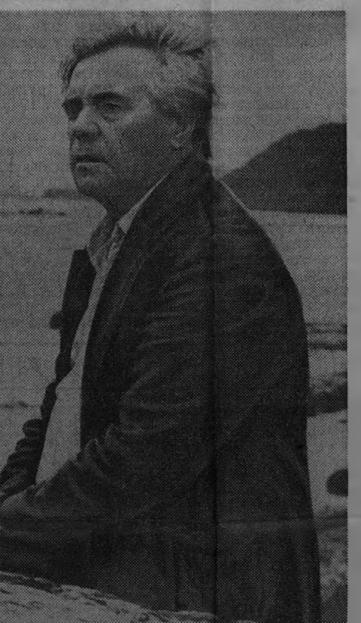

Фото А. Белоногова.

Отечь его в обход-то? А вот отчего. До войны, после многих приключений в своей жизни, Сергей Сергеевич Волкенштейн возглавлял Киевское артиллерийское училище, которое затем было эвакуировано в Красноярск (в ту пору я «ваквалыв», после окончания железнодорожного училища, на пригородной станции Вазаиха, третьей восток от Красноярска, и вы своим, ни духом не ведал, что нас когда-то введет в диске было очень тугие пружины и более пятидесяти патронов опытный боец в диске никогда не заржал, иначе в самый опасный момент поставит патрон «на попа» или перекошет его; затвор в автомате был почти полностью открыт и от папашей в него земли и особенно несака оружие это часто «заедало». Автомат ППШ был малопригодным оружием «ближнего боя», и «старички» — опытные солдаты, постреляв из него и попользовавшись им, постепенно переключались обратно на матушки-винтовку; мы, связисты, — на карабины — эти никогда не отказывали. И прицельность у карабина такая, что в ворота бьеднягу попадали за сто шагов.

Из училища генерал Волкенштейн был отозван Ставкой для формирования крупной артиллерийской соединения, которое нам же и возглавил. И он его не просто сформировал и возглавил, но в процессе формирования провел модернизацию артиллерии. Многие орудия были «переставлены» со старого, тяжеловесного хода на новый, облегченный; наши «лайбы», например, с тракторной тяги были переведены на тягу автомашиного, и вместо 13-15 километров бригада могла за ночь сделать бросок на 60-70 километров. Части дивизии сделались более маневренными, что и требовалось для будущих наступательных боев.

И вот мотушная дивизия движется с боим вперед на запад, и никто, даже сам командир дивизии, не знает, что она одновременно приближается к большому, непредвиденным, нежданым испытаниям и даже большому. Тот самый офицер, что был в подчинении Волкенштейна в артучилище и терпел от него утеснения, очень стремительно продвинулся в званиях и чинах и оказался ни много ни мало, как начальником артиллерии фронта.

Далее я перебежкою с большой горстью и болью рассказывал мне Сергей Сергеевич:

Начальник артиллерии фронта, знай я, артиллерист был слабый, зато карьерист оказался сильный — такой вот каламбур! Вместе с чинами и званиями росло чванство и самодурство злопамятного человека, но ума не прибавилось. Решил он что бы то ни ста-

ло отомстить мне за прошлые победы и начал «подставлять» мою дивизию... Но ведь «подставлял»-то он не абстрактную цифру, не номер дивизии, и не меня, наконец, а вас, дорогих моих бойцов, беззаветных, иначе и не скажешь, труженников. Трижды, четырежды, до гробовой доски я буду виноват невольной виной перед вами, мои дорогие парнишечки, особенно гнетет вина перед погибшими, израненными и изувеченными. Бывало, соседство частей которой оставалось на тракторном и даже конном ходу, трюхает с фронту, не торопясь, а наша дивизия, модернизированная, подвижная, уже навоюется досыта и вы там, на передовой, ребята мои, уже не раз умоетесь кровью. Соседу за «аккуратность» в потере, за экономией горячего и сварядов — благодарность, мне за переработку — выволочка; соседям — орден и отлык, моим бойцам — марш, и не только на марше, но и хари в последнюю очередь. Однако главное было: воевать, победить врага, исполнить свой долг.

Ах, как он, мой отец-генерал, обрадовался, возлюковал, когда под Житомирком я «поглед» дивизию. Дунал, видеть тут-то мы и копел, ответствен видел меня на скамье перед военным трибуналом. Но в той обстановке вынужденного отступления и приваял единственно правильное, считаю, решение: дал по радио приказ всем командирам полков и бригад действовать по своему усмотрению. Я знал свой народ, доверял своим командирам, и они в большинстве своем приняли верные решения: свернули с Житомирского шоссе, где вражеские танки в упор расстреливали наши струдившиеся колонны, по направлению на Брусилки и, сдерживая противника, не давая ему развивать контрнаступление, в конце концов остановили его, хотя, конечно, и потрепаны были ряды, и под командованием делового и строготого командира Дельска наша бригада проявила в боях особое упорство, пострадала, конечно, сильно пострадала и утратила на реформировку в Свято-

По иному нам, нашей дивизии командующий фронт присвоил и Верховный утвердил звание Житомирской Киевско-Житомирская, многаяжды орденосная. Горжусь! Все вынесли мои бойцы и победили! В числе других соединений, освобождавших Киев и правобережную Украину, золотом написан вомер нашей дивизии и все ее звания на своде мемориала Победы в Старопетричах; знамена дивизии хранятся в одном из почетнейших мест страны — в Ленинградском артиллерийском музее. Ну да ладно, бог с ним, со мной. О Шумилихе-то что-нибудь слышал? Написал бы о нем. Сорванец, конечно, во любви я его и все в дивизии любил. Ты хоть видел его?

— Видел. Один раз.
— В бою?
— В бою.
— Где видел-то?
— Под Проскуровом. Там же и маршала Жукова видел.
— Ну и как? Как они?

Вот и пришла пора вспомнить действительно славного, действительно боевого командира истребительного полка Ивана Михайловича Шумилихина. Всякое о нем катились слухи по дивизии, в том числе и о том, что четырежды его представляли к званию Героя и всякий раз отзывалось награждение дело из за «художества» его личных и не менее прославленных похождениями, всевозможными «художествами» и выходками дорогих его истребителей.

Уж как там и что было, каким образом «художествовали» орлы Шумилихина, я в точности не знаю, но один раз, как уже говорил, видел самого командира полка и его орлов в деле.

Есть неподалеку от города Проскурова (ныне это Хмельницкий) красивое местечко с выразительным названием Черный остров. И вот под этим местечком застряли мы и как-то вяло, не организованно, даже вроде неохотно вели бои тоже с вяло и неохотно отбывающими противником. Под какой-то деревушкой, стоящей меж совершенно диким и довольно обширными зарослей леса, мы и «блвыли» уже несколько дней. Пехота картошкой варит по всем полком, артиллеристы-бойцы анекдоты по телефонам травят, офицеры подвотрочички подлили, салюти начитались, вроде как на танцы собираются ехать, а вечером как повахало машина и бронетранспортеров, как вышел из оловой машины коренастый человек в кожаном пальто да как зыкнул: «Командиров ко мне!» И я близко к командиру «не лежал». «Загорае-те!» — рывнул человек в кожане. Тут я на всякий случай с телефоном в руке спрятался, в «землю ушел» — надеюсь укрытые солдата от всех наблюдателей и бел... А по окопам: «Жуков! Жуков! Жуков!»

Утром просыпаемся: замочил мой! Войска-то, войска понаперил! Пальба, стрельба, танки двигаются, пехота вра-

жеская из лесу норовит в наши выйти... Вдруг резкий, выливающий взрыв, клуб огня с серым, почти синим дымом — это истребители угодили в танк. Мы уж по звуку взрыва снаряда, не заглушенного землей, не «снопом», а вот именно клубом, дымным комком, знали, что это такое, и одновременно с расчетом пушки издали торжествующий клич, запрыгали, залюковали. И внезапно все смолкло, словно отрубил тотором наше всеобщее ликование: танк продрал завесу дыма и, как ни в чем не бывало, двинулся вперед, ведя хоботом пушки, возлею черной приюхивался к дерзкой пушкочке, всадившей ему снаряд в бронированный лоб.

Через минуту пушкочка, как дворовый пес, лезла вверх лапами...

Я не раз видел дражающих вояк, увы, не только фашистских. И сам драгал, разочка два даже босяком, так как сдвиг в обуви не мог и имел привычку разуваться в удобное место и в удобное время. Но вот как исчезают расчеты орудий, до тех пор ни разу увидеть не сподобился. У орудий, что стояли впереди нас под Черным островом, мгновенно не стало расчетов — ни единой живой души! Артиллеристы не убежали, не улетали, не упозлали — их просто не стало, испарились! Отлетели, как свят духи...

Разумеется, война продолжалась, бой шел и без них, был наш дивизион из закрытых позиций и загнал вражескую пехоту обратно в лес, были другие батареи и полковые пушки, стучались разрывы меж лесом; дерево падало крешко, там уже горело несколько хат и какие-то машины черно и высоко дымились; в подожженных клуных рвался, разбрасывая стены и крышу, арткад.

По траншее, продолженной из тыла, от дороги, к передовым позициям, где, вырыв себе ячйчку, сидел и я с телефоном, простовола живописная троица: впереди козылый подполковник с отвислой от тяжести пистолета, растущей косяком на боку и шапкой, зажатой под мышкой. За командиром шествовали два здоровенных бойца, уцепившихся медальями и орденами. В кубанках, в комсоматском обмундировании, с новейшими автоматами на груди и гранатами за поясом. Два бойца были похожи друг на друга, как близнецы.

Ме прошло и пять минут, как неж сиритиво умолкших пушек возникла шапка-папах, по бокам ее во весь рост встали два автоматчика-тренадера, и вот эта папах, чуть возвышающаяся над холмами свежей земли, зримо торчащая меж двумя огневыми позициями, тонкий и пронзительный, похожий на голоса недавних работавших пушек, исторгла звук: «А-а, мерзавцы! А-а, змеи подколодные! Глядите, как вашего полковника убивать будут!» (звание командир тот «округлил», должно быть, для большей выразительности).

И что вы думаете? Как исцелы, испарились расчеты от пушек, так же всерьез и возникать начали — из земли, из воздуха, с небес, сошли, что ли? Заговорила одна, другая пушка, продолжался бой, война продолжалась. Гляжу, по траншее, от орудий тонет полковник со снова захвачтой под мышкой шапкой, за ним — два молчаливых гренадера. Я не утерпел, высунулся из своей ячйчки, глазею, — интересно же, не каждый день таких героев увидишь! — как вдруг подполковник остановился против меня, уперся в меня взглядом и удивленно захопал выгорающими на солнце ресницами, хлопал, хлопал и спросил: «Солдат! Ты с какого кладбища?» И, не дожидаясь ответа, махнул рукой, засмеялся и пошел дальше, за ним два гренадера дружно гыгкнули и словили шаг.

Вот так видят я первый и последний раз знаменитого командира истребительного полка Шумилихина, который был-таки удостоен звания Героя Советского Союза, погиб в бою под Львовом и там похоронен.

Поклонитесь его могиле, люди добрые...

О генерале Сергее Сергеевиче Волкенштейне написана книга, в Житомире создан музей боевой славы 17-й артиллерийской бригады, в котором хранятся вещи ее командира, боевые его награды, личное оружие. Живет и работает сын генерала. Помню его скромным, деловым, остроумным парнем, снисходительным к причудам старого отца. Ветераны нашей семнадцатой дивизии часто все же встречаются в Житомире, помнят своего командира добрым тихим человеком...

ЧТО Ж, пора, пожалуй, закончить. О войне нам, фронтовикам, говорить не переставать, вспоминать не переставать. И я так, кажется, встал в «материал» своего романа о войне.

О войне и о войнах надо говорить всю правду, пусть иногда и горькую. Мы достойно вели себя на войне и достойно не только благодарности, но и самой высокой, самой святой правды, мы и весь наш многоотеческий, героический народ, на века, на все будущие времена прославивший себя и трудом, и ратным делом.